DOI: 10.17976/jpps/2023.06.12
EDN: QFXDBY

ДИНАМИКА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН: ЭКСТРАОРДИНАРНАЯ СИТУАЦИЯ ИЛИ НАЧАЛО НОВОГО ЦИКЛА?

Ю.В. Латов

ЛАТОВ Юрий Валерьевич, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, email: latov@mail.ru

Латов Ю.В. 2023. Динамика массового сознания россиян: экстраординарная ситуация или начало нового цикла? *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 161-179. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.12. EDN: QFXDBY

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00505) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Статья поступила в редакцию: 24.07.2023. Принята к публикации: 20.09.2023

Аннотация. На основе базы данных общероссийского социологического опроса по репрезентативной выборке, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в июне 2023 г. и сопоставляемого с предыдущими мониторинговыми опросами 2010-2020-х годов, рассмотрено, насколько массовое сознание современных россиян соответствует объективным требованиям национального мобилизационного развития. Проанализирована динамика показателей массового сознания, характеризующих оценки гражданами ситуации в стране (включая оценки социальной напряженности), а также соответствие этой ситуации их нормативным ожиданиям (например, оценки пути развития России, запрос на перемены). Сделан вывод, что в сравнении с данными опроса в марте 2022 г. практически все рассмотренные показатели улучшились. Современную ситуацию правомерно рассматривать как фазу нового цикла изменения социального самочувствия, который в значительной степени аналогичен предыдущему циклу 2014-2017 гг. Поставлен вопрос о чередовании долгих (по четыре-шесть лет) циклических периодов, связанных с шоковыми событиями, и промежуточных коротких “спокойных” периодов как об основной форме динамики массового сознания россиян в условиях современного мобилизационного развития.

Ключевые слова: мобилизационное развитие, массовое сознание, кризис, социальная напряженность, запрос на перемены, лояльность, оппозиционность, образ будущего, среднесрочная цикличность.

За последнее десятилетие россияне пережили три волны крупномасштабных перемен, несущих новые вызовы и угрозы: кризис 2014-2016 гг., пандемию COVID-19 в 2020-2021 гг. и связанные с СВО на Украине события 2022-2023 гг. Если между первыми двумя волнами был трехлетний промежуток относительного спокойствия, то затухание пандемии практически сразу сменилось военной операцией на Украине, санкционной и информационной войной. Россияне начинают забывать, как можно “просто жить”, не опасаясь внезапных негативных событий. Эта все еще далекая от завершения “полоса препятствий” по длительности и отчасти по последствиям уже сопоставима с самыми опасными для России периодами минувшего столетия – с бифуркационными событиями 1914-1921 гг., 1939-1945 гг. и 1991-1993 гг. Поэтому один из главных для современной России вопросов заключается в том, сможет ли население страны адаптироваться к очередной “эпохе перемен”.

Почти непрерывное чередование экстремальных событий заставляет по-иному взглянуть на обсуждаемый с позднесоветских времен вопрос о достоинствах и недостатках мобилизационного развития. Вероятно, в той мере, в какой сохраняется опасность внешних вызовов и угроз национальному развитию России, остается актуальной необходимость если не постоянного сохранения мобилизационных институтов (вертикали власти, государственного контроля над экономикой, патриотической идеологии), то, по крайней мере, возможности их временного "реанимирования".

Рассмотрим, насколько массовое сознание современных россиян соответствует объективным требованиям мобилизационного развития. Речь идет о том, осознают ли россияне, что живут в очередную "эпоху перемен", насколько это для них (дис)комфортно, а также от чего зависит осознание и переживание возникающих опасностей. Объект нашего анализа можно обозначить как динамику социальных настроений (социального самочувствия) – эмоционально-рационального восприятия гражданами происходящих в обществе процессов, оцениваемого через систему индикаторов (см. обзор концептуализации данного понятия в [Мерсиянова, Брюхно 2023: 29-31]).

В литературе, посвященной пертурбациям массового сознания россиян под влиянием кризиса, связанного с событиями на Украине, уже отмечалось, что за взлетом социальной напряженности весной 2022 г. наступила относительная релаксация. Так, на основе анализа базы данных всероссийского репрезентативного опроса, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в сентябре 2022 г., делается следующий вывод: "Парадоксально в 2022 г. доля оптимистично настроенных россиян даже превысила последний допандемийный показатель" [там же: 34]. Аналогичный тренд зафиксирован, например, в мониторинге ВЦИОМ[1]. Однако выводы о частичном откате характеристик общественного сознания россиян к докризисному уровню делаются, как правило, из сопоставления данных только последнего пятилетия и без теоретического объяснения. Между тем многое объяснить способен взгляд на взлеты и падения показателей социальных настроений в более долгосрочном периоде. Поэтому обратим особое внимание на изменения массового сознания, сопоставляя его реакции в период последнего (начавшегося в 2022 г.) кризиса с реакциями на предыдущую череду кризисов. Это важно для правильного понимания соотношения общего и особенного в этих изменениях, которое создает возможность, исходя из опыта прошлого, давать объяснение современных тенденций и прогноз будущих изменений.

Характеристика массового сознания россиян будет построена на данных общероссийских опросов по репрезентативной выборке, которые Институт социологии ФНИСЦ РАН регулярно организовывал с конца 1990-х годов[2]. Основное

[1] "С марта по июль [2022 года] наблюдался устойчивый тренд роста, и, несмотря на значимые колебания в осенние месяцы, в начале – середине зимы 2022/23 гг. оценки стабилизировались на более высоком уровне по сравнению с показателями января 2022 г.". См. Социальное самочувствие: мониторинг. *ВЦИОМ*, 28.02.2023. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring (accessed 23.09.2023).

[2] Речь идет о серии общероссийских опросов по репрезентативной выборке с полугодовым интервалом, которые проводились в 2014-2018 гг. под руководством академика М.К. Горшкова в рамках проекта РНФ № 14-28-00218 "Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах", а потом и за его пределами. Каждая из волн этого мониторинга предполагала всероссийский опрос общественного мнения (выборка варьировалась от 2 до 4 тыс. респондентов), репрезентирующий население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

внимание уделено материалам последнего опроса, проведенного в начале лета 2023 г.[3], сопоставляемым с результатами предыдущих волн опросов.

КРИЗИСНАЯ СИТУАЦИЯ КАК НОРМА

Для понимания степени адаптации россиян к "эпохе перемен" рассмотрим оценки ситуации в нашей стране в целом (см. рис. 1).

Рисунок 1 (Figure 1)

Динамика оценок населением ситуации в России, 2010-2023 гг., %

Dynamics of assessments of the world situation in Russia, 2010-2023, %

Как видим на рис. 1, "панические" мнения о катастрофическом характере ситуации в России после начала "полосы препятствий" никогда не становились широко распространенными. Лишь в марте 2022 г., единственный раз за весь период, доля считающих текущую ситуацию нормальной и спокойной упала ниже доли считающих ее катастрофической (13,9% в сравнении с 16,0%). К июню 2023 г. доля считающих ситуацию в России нормальной составила 19,0%, одновременно заметно (до 8,1%, почти как в "спокойные" 2018-2019 гг.) упала доля считающих ситуацию в стране катастрофической. При этом продолжился рост доли россиян, считающих ситуацию в стране напряженной и кризисной. Такая оценка с начала 2010-х годов всегда доминировала, но в июне 2023 г. зафиксировано самое высокое ее значение (72,9%) за последнее десятилетие; предыдущий аналогичный пик (73,0%) наблюдался в 2010 г., накануне "болотной революции".

На графике хорошо видно, что события последних двух лет с точки зрения их влияния на массовое сознание выглядят не чем-то исключительным, а лишь начальной фазой очередного цикла подъема тревожности. С 2008 г., когда

Во время опросов дважды (в октябре-ноябре 2014 г. и в марте 2022 г.) удалось поймать моменты сразу после шоковых событий. По результатам этих опросов издана серия коллективных монографий "Российское общество и вызовы времени" (последняя – [Российское общество..., 2022]).

[3] Очередной мониторинговый общероссийский опрос по выборке, репрезентирующий население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. проводился в первой декаде июня 2023 г. и охватывал 2 тыс. респондентов.

сразу после скоротечного российско-грузинского конфликта начался первый в XXI в. глобальный экономический кризис, доля оценок ситуации в стране как напряженной/кризисной трижды менялась от умеренных (50-60%) значений до высоких (свыше двух третей респондентов). Реакция граждан на новейшие события, связанные с СВО на Украине, сопоставима с прежними реакциями на кризисные события рубежа 2000-2010-х и на кризис 2014-2016 гг.

Высокие доли критических оценок категорически нельзя интерпретировать как "революционную ситуацию" (когда "низы не хотят жить по-старому"). Есть существенные сильные различия в структуре оценок ситуации на разных уровнях – от мира в целом до того поселения, где живет респондент (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Оценки россиянами ситуации в стране и в мире, 2018-2023 гг., %

Russians' assessments of the situation in the country and in the world, 2018-2023, %

Оценка ситуации	В мире	В России	В регионе	В городе, селе
2023 г.				
Ситуация нормальная, спокойная	10,7	19,0	**50,6**	**60,8**
Ситуация напряженная, кризисная	**72,8**	**72,9**	46,4	36,4
Ситуация катастрофическая	12,4	8,1	3,0	2,8
2022 г.				
Ситуация нормальная, спокойная	5,8	13,9	35,3	43,9
Ситуация напряженная, кризисная	**72,8**	**70,1**	**58,4**	50,2
Ситуация катастрофическая	21,4	16,0	6,3	5,9
2021 г.				
Ситуация нормальная, спокойная	-	29,8	47,9	**57,1**
Ситуация напряженная, кризисная	-	**59,5**	44,0	35,2
Ситуация катастрофическая	-	10,7	8,1	7,7
2020 г.				
Ситуация нормальная, спокойная	-	34,2	48,9	**57,2**
Ситуация напряженная, кризисная	-	**55,7**	43,9	36,6
Ситуация катастрофическая	-	10,1	7,2	6,2
2019 г.				
Ситуация нормальная, спокойная	-	41,1	**50,9**	**55,9**
Ситуация напряженная, кризисная	-	**51,7**	42,5	36,0
Ситуация катастрофическая	-	7,2	6,6	8,1
2018 г.				
Ситуация нормальная, спокойная	-	34,2	47,0	**54,1**
Ситуация напряженная, кризисная	-	**57,2**	45,9	37,8
Ситуация катастрофическая	-	8,6	7,1	8,1

Примечание. Фоном выделены ячейки, соответствующие позиции большинства (более 50%) респондентов.

Как видим, чем "ближе" к респонденту находятся оцениваемые реалии, тем менее трагично они воспринимаются. Хуже всего, по мнению россиян, ситуация в мире в целом, в России она чуть лучше, в регионе проживания – гораздо лучше, чем в России, а в месте проживания респондента – лучше, чем в регионе. В 2023 г. лишь 10,7% россиян считали нормальной/спокойной ситуацию в мире, но применительно к России доля таких оптимистических оценок поднималась до 19,0%, к региону проживания респондента – уже до 50,6%, а к городу или селу проживания – до 60,8%. Доли "катастрофических" оценок ситуации в регионах и населенных пунктах по месту проживания в 2021-2023 гг. не только не выросли, но даже упали (с 7-8% до 3%). Доля же оценок "ситуация напряженная, кризисная" в 2022 г. применительно к России, региону и населенному пункту подскочила почти одинаково (на 17-18 п.п.), но в 2023 г. такие оценки применительно к России в целом лишь чуть (на 3 п.п.) выросли, а применительно к региону и населенному пункту сильно (на 13-14 п.п.) снизились.

Итак, в марте 2022 г., как это хорошо видно в ретроспекции, россияне крайне встревожились, отчасти даже запаниковали (ситуацию в месте проживания считали тогда кризисной или катастрофической 56,1% – более половины! – опрошенных), но к 2023 г. эта тревога в значительной степени прошла. Если смотреть оценки ситуации по региону и месту проживания, то показатели текущего года оказались даже чуть лучше, чем в докризисном 2019 г.

Обратим внимание на тех россиян, кто говорил о катастрофической ситуации в месте их проживания. Хотя доля таких респондентов очень мала (менее 3%), но посылаемые ими сигналы о неблагополучии основаны на личном опыте, недвусмысленны и мало совместимы с консолидированным социумом. Можно ли хотя бы приблизительно отождествить их с какой-либо социально-демографической группой, наиболее драматически переживающей современный кризис? Скорее нет, чем да. Катастрофические оценки ситуации в месте проживания заметно чаще звучали среди россиян с плохим (по их самооценке) материальным положением (7,0%, в то время как у россиян с хорошими самооценками – только 1,3%) и среди наиболее молодых (5,8% в группе 18-24-летних, в то время как в контрастной группе 30-35-летних – 1,9%), но и в этих группах доля "катастрофистов" не дотягивает даже до 10%. Поэтому правомерен вывод, что "катастрофические" социальные настроения больше связаны с личностными, чем с социальными обстоятельствами.

ВЫСОКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ

Для понимания оценок не только текущего состояния, но и вектора изменений ситуации в стране во время мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН респондентам систематически задают вопрос, как, по их мнению, в последнее время изменилось социальное напряжение. Динамика этого показателя за последние 15 лет (см. рис. 2) также демонстрирует, что если весной 2022 г. оценки были крайне тревожные, то в текущем году у россиян произошло привыкание к новой ситуации.

За последние 15 лет ответ "напряжение [в российском обществе] возросло" всегда давали чаще каких-либо иных ответов, причем в 11 из 15 замеров – больше половины респондентов. Такая структура и динамика мнений об изменении социальной напряженности должны, казалось бы, означать ее непрерывное нарастание в 2008-2023 гг., что явно противоречит действительности. Однако если в оценках напряженности в России в целом самым частым (37,8%) ответом

в 2023 г. является “напряжение немного возросло”, то в оценках напряженности в регионе и в месте проживания доминирует (соответственно 44,4% и 49,6%) спокойное суждение, что “ситуация такая же, как и была раньше”.

В 2023 г. динамика напряженности оценивалась россиянами в целом умеренно критично (см. табл. 2). С одной стороны, ответов, что напряжение в обществе немного или существенно возросло, гораздо больше, чем противоположных (что напряжение снизилось), на всех трех уровнях, хотя и в разной степени: и в России в целом (58,6% против 15,3%), и в регионе (37,6% против 17,3%), и в месте проживания (29,6% против 20,1%). С другой стороны, как и в оценках современной ситуации, оценки динамики ситуации в месте проживания гораздо оптимистичнее, чем в России в целом. Вопреки пословице “хорошо там, где нас нет” состояние массового сознания россиян описывается, похоже, парадоксальной формулой “где нас нет, там хуже”. Давно замечено, что современные СМИ превратились в “торговцев страхом”: чем менее человек лично знаком с каким-либо объектом, тем в большей степени он получает информацию о нем через “пугающие” сообщения СМИ.

Рисунок 2 (Figure 2)

Динамика структуры оценок изменения социальной напряженности в России в целом, 2008-2023 гг., %

Dynamics of the structure of assessments of changes in social tension in Russia as a whole, 2008-2023, %

Сопоставление данных разных лет показывает сильный “откат” в текущем году мнений о динамике социальной напряженности на всех уровнях – не только в России в целом, но и, самое главное, в регионах и местах проживания респондентов. Структура ответов в марте 2022 г. фиксировала (как ретроспективно становится очевидным) настроения россиян, опасно близкие к паническим: даже применительно к местам своего проживания 68,9% респондентов отмечали рост напряжения, применительно к региону – 75,5%, к стране – даже 88,5%. Этот приступ высокой тревожности хорошо замечен на фоне того, что кризис из-за пандемии 2020-2021 гг. мало повлиял на структуру оценок в сравнении с докризисным 2019 г. В текущем же году все эти оценки в сравнении с гипертревожным 2022 г. упали на 30-40 п.п. Современная структура мнений россиян о социальной напряженности уже не сильно

отличается от той, которая была в 2021 г. и даже в 2019 г. Снова модальным (наиболее распространенным) стало суждение, что “ситуация такая же, как была раньше”, а распространенность мнения о росте напряженности хотя и существенно (в 1,5 раза), но уже не так сильно (почти в десять раз), как год назад, превышает распространенность мнения о снижении напряженности.

Запрос на перемены *vs* запрос на стабильность

До сих пор анализ касался оценок окружающей реальности – как россияне оценивают то, что в России происходило и происходит на их глазах. Следующая часть нашего анализа способности россиян “держать удар” будет посвящена нормативным оценкам – насколько россияне эту объективную реальность (не) одобряют, считают ее (не) соответствующей их представлениям о должном.

Таблица 2 (Table 2)

Оценки динамики социальной напряженности в российском обществе, 2019-2023 г., %

Estimates of the dynamics of social tension in Russian society, 2019-2023, %

Оценка динамики социальной напряженности	В России в целом	В регионе	В муниципальном образовании (городе, поселке, сельском населенном пункте)
2023 г.			
Напряжение существенно снизилось	3,4	4,7	5,8
Напряжение немного снизилось	11,9	12,6	14,3
Ситуация такая же, как и была раньше	25,7	**44,4**	**49,6**
Напряжение немного возросло	**37,8**	29,9	23,3
Напряжение существенно возросло	20,8	7,7	6,3
2022 г.			
Напряжение существенно снизилось	1,7	1,9	2,5
Напряжение немного снизилось	3,1	5,2	5,2
Ситуация такая же, как и была раньше	6,8	17,4	23,5
Напряжение немного возросло	31,7	**45,7**	**42,8**
Напряжение существенно возросло	**56,8**	29,8	26,1
2021 г.			
Напряжение существенно снизилось	7,0	5,8	6,9
Напряжение немного снизилось	19,8	19,0	17,6
Ситуация такая же, как и была раньше	23,6	**34,6**	**39,2**
Напряжение немного возросло	**31,2**	31,0	27,8
Напряжение существенно возросло	18,4	9,6	8,5
2020 г.			
Напряжение существенно снизилось	5,3	5,7	6,4
Напряжение немного снизилось	12,3	13,3	11,7
Ситуация такая же, как и была раньше	23,6	**34,8**	**40,0**
Напряжение немного возросло	**35,0**	32,4	30,2
Напряжение существенно возросло	23,8	13,8	11,7

Продолжение таблицы 2

Оценка динамики социальной напряженности	В России в целом	В регионе	В муниципальном образовании (городе, поселке, сельском населенном пункте)
2019 г.			
Напряжение существенно снизилось	7,1	4,4	4,2
Напряжение немного снизилось	13,3	12,0	10,2
Ситуация такая же, как и была раньше	29,1	**38,2**	**42,2**
Напряжение немного возросло	**33,1**	33,8	32,0
Напряжение существенно возросло	17,6	11,7	11,6

Примечание. Фоном выделены ячейки, соответствующие позиции наиболее крупной (модальной) группе респондентов. Затруднившиеся с ответом в таблице не представлены.

Представления россиян о соотношении сущего и должного выявлялись с помощью вопросов об отношении респондентов к возможным переменам. Речь идет о выявлении "запроса на перемены", концепт которого инициировал В.В. Петухов для понимания конфликтности в российском обществе (см. обзор в [Латов, Латова 2022]).

По данным общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН (см. рис. 3), за последние 25 лет существенное и длительное превышение доли сторонников стабильности над долей сторонников перемен наблюдалось только в 2012-2017 гг. Некоторым исключением стал 2008 г., год военных действий между Россией и Грузией, когда доля сторонников стабильности тоже превысила долю сторонников перемен, хотя и с небольшим разрывом (8 п.п.). Максимальное превышение, когда перемен желало лишь 30% россиян, наблюдалось в 2014 г.

Рисунок 3 (Figure 3)

Динамика соотношения желающих перемен и стремящихся к стабильности, 1997-2023 гг., %

Dynamics of the ratio of those who want change and those who strive for stability, 1997-2023, %

В этих волнах ярко заметны патриотический эффект "объединения вокруг флага" и естественное желание избежать эскалации военного противостояния. Похожий эффект был и в 2012-2013 гг. как реакция на "болотную революцию",

когда, как казалось, снова появилась угроза гражданской войны. Когда же угроза эскалации снижается, ослабляется и данный эффект. После завершения кризиса 2014-2017 гг. наблюдалось либо небольшое превышение желающих перемен над стремящимися к стабильности (как в 2019 г. – в пропорции 57 : 43), либо их примерное равенство (как в 2021-2022 г. – в пропорции почти 50 : 50). Такой устойчиво высокий (даже в условиях начала СВО в 2022 г.) уровень запроса на перемены демонстрирует стабильно высокое недовольство россиян теми "правилами игры", которые им предлагает власть. Но в 2023 г. повторились эффекты 2008 и 2014 гг.: снова почти две трети россиян считают, что в нынешней России стабильность важнее перемен.

При обсуждении "запроса на перемены" уже фиксировалось, что этот феномен связан не только и не столько с идеологической оппозицией власти, сколько с личностно-психологическим неприятием "вторжения публичной политики в ранее автономную частную жизнь индивидов" [Петухов 2020: 116]. Отмеченные циклические колебания соответствуют этой позиции. Когда социально-экономическая ситуация в стране висит на волоске, самые "самодостаточные" россияне становятся более терпимыми к "перегибам" мобилизационного развития. Кроме того, когда возникает явная угроза перехода от холодной войны к горячей, ответ "страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены" могут выбирать не только поддерживающие свое правительство (для них стабильность – сохранение существующей власти), но и те, кто его не поддерживает (для них стабильность – отказ от обострившейся конфронтации). Но когда ситуация в стране нормализуется, терпимость к "перегибам" снижается, а стремление поменять "правила игры" возвращается к докризисному уровню.

ДОМИНИРОВАНИЕ ЛОЯЛЬНОСТИ К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ ИДЕОЛОГЕМАМ

Оценки (де)консолидации российского общества должны даваться в первую очередь по ответам респондентов об ожидаемых результатах того пути, по которому идет Россия, и об источнике основных угроз ее развитию. Принимающие внедряемый с начала 2010-х годов проправительственный дискурс считают нынешний путь России верным, а главными угрозами – исходящие из-за рубежа (с Запада). Решительно не согласные с этим дискурсом, напротив, считают нынешний курс России тупиковым, а главными угрозами – внутренние.

В зависимости от ответов на эти вопросы российское общество дробится на две противостоящие группы, между которыми есть еще две промежуточные (см. табл. 3). Почти две трети (62,6%) россиян соглашаются, что выбранный путь в перспективе даст положительные результаты, а основные угрозы России исходят из-за рубежа. Им решительно противостоят 15,6%, по мнению которых выбранный путь развития ведет в тупик, а основные угрозы находятся внутри страны. Между этими крайними позициями – позициями условных "лоялистов" и условных "оппозиционеров" – находится промежуточная группа (21,2%), представители которой не вполне согласны ни с проправительственным, ни с радикально оппозиционным мнениями.

Это можно трактовать так, что россияне идеологически расколоты в пропорции примерно 2 : 1 на полностью согласных с правительством и в той или иной мере с ним не согласных. Поскольку абсолютно преобладают все же лоялисты, правительство обоснованно может считать, что его поддерживает подавляющее большинство граждан. Однако более трети (36,8%) частично или полностью несогласных – все же крупная доля, не позволяющая говорить о высокой идеологической консолидации россиян.

Таблица 3 (Table 3)

Отношение россиян к пути развития современной России и к источникам основных угроз для нее, 2023 г., %

The attitude of Russians to the path of development of modern Russia and the sources of the main threats to it, 2023, %

Отношение к пути развития России	Мнение об источниках основных угроз для России	
	Исходят из-за рубежа	Находятся внутри страны
Даст в перспективе положительные результаты	62,6 (“лоялисты”)	11,0 (промежуточная группа)
Ведет в тупик	10,2 (промежуточная группа)	15,6 (“оппозиционеры”)

Примечание. Поскольку некоторые отвечавшие (менее 1% по каждому вопросу) выбирали ответы “затрудняюсь ответить”, сумма отраженных в таблице ответов меньше 100%. Процентные показатели приведены по россиянам в целом.

Речь при этом идет все же скорее об идеологических различиях, чем о принципиальном антагонизме. В современной России главной политической фигурой, олицетворяющей власть, является президент, при этом среди “лоялистов” более четверти (27,3%) ему не доверяют, а среди “оппозиционеров” более трети (37,8%), наоборот, доверяют (см. табл. 4). Это показывает, что между разными оценочными суждениями, связанными с идеологическими предпочтениями, есть сильная связь, но их консистентность умеренна, так как многие граждане имеют одновременно и лояльные к существующей власти, и оппозиционные по отношению к ней мнения.

Таблица 4 (Table 4)

Оценки характеристик социальной ситуации идеологически противоположными группами россиян, 2023 г., %

Assessments of the characteristics of the social situation by ideologically opposite groups of Russians, 2023, %

Оценочные суждения	“Лоялисты”	“Оппозиционеры”	Россияне в целом
Ситуация в стране			
Нормальная, спокойная	22,4	9,0	19,0
Катастрофическая	3,0	25,3	8,1
Динамика социальной напряженности			
Напряжение немного или существенно снижается	14,1	14,1	15,3
Напряжение немного или существенно возрастает	**56,7**	**66,3**	**58,6**
Желательные изменения			
Страна нуждается в существенных переменах	30,0	**62,8**	38,2
Страна нуждается в стабильности	**70,0**	37,2	**61,8**
Одобрение факторов достижения благополучия			
Благополучное положение в России сегодня – это в основном результат высокого уровня образования и квалификации, эффективной работы	**77,6**	30,8	**65,6**
Благополучное положение в России сегодня – в основном результат везения или наличия связей	22,0	**68,9**	34,1

Продолжение таблицы 4

Оценочные суждения	"Лоялисты"	"Оппозиционеры"	Россияне в целом
Доверие президенту России			
Доверяют	**72,2**	37,8	**78,4**
Не доверяют	27,3	**61,2**	20,7
Цивилизационная идентичность			
Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни	15,9	39,1	21,7
Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	**83,8**	**60,3**	**78,0**
Оценка консолидации общества			
Выдержало экзамен на консолидацию и взаимоподдержку в экстремальных условиях	41,6	11,5	32,0
Проявило себя разобщенным	10,6	23,1	14,2

Примечание. Процентные показатели даны соответственно по "лоялистам", "оппозиционерам" и россиянам в целом. Фоном выделены ячейки, соответствующие позиции доминирующей (более 50%) подгруппы респондентов. В таблице не отражены выбравшие другие варианты ответов и затруднившиеся ответить.

Тем не менее идеологические расхождения имеют высокое значение как фактор различий в оценках россиянами современной ситуации и вектора ее изменения. Из отраженных в табл. 4 характеристик лишь по одной (в оценках динамики социальной напряженности) разрыв между "лоялистами" и "оппозиционерами" не превышает 10 п.п., по остальным они гораздо выше (в частности, по одобрению факторов достижения благополучия – более 45 п.п.). По трем аспектам (желательности перемен/стабильности, одобрения/отрицания меритократических принципов благополучия и доверию к президенту) разрывы настолько велики, что среди "лоялистов" и "оппозиционеров" доминируют противоположные суждения. В то же время по другим аспектам различия между идеологически противоположными группами россиян все же скорее количественные (не меняющие доминанту мнений), чем качественные.

Чтобы понять, насколько идеологическая (де)консолидация в 2023 г. отличается от тенденций предшествующих лет, сопоставим данные за последнее десятилетие о дифференциации россиян по этим двум критериям (см. табл. 5).

Снова хорошо заметна цикличность колебаний консолидированности россиян, которая в данном случае характеризуется соотношением долей условных "лоялистов", промежуточной группы и условных "оппозиционеров". Первый цикл усиления консолидации россиян заметен в 2014-2018 гг.: доля лоялистов в тот период усиления конфронтации России с Западом была в интервале 50-60%, а оппозиционеров – лишь 8-11%, но при ослаблении конфронтации доля лоялистов упала до трети респондентов, а оппозиционеров – выросла до почти четверти. Кризис из-за пандемии скорее усилил идеологическую деконсолидацию: в 2021 г. доля "лоялистов" выросла до 37,7%, но одновременно до 28,6% увеличилась и доля оппозиционеров. Однако под влиянием СВО эти показатели вернулись к ситуации 2014-2015 гг., причем доля лоялистов в марте 2022 г. оказалась максимальной (65,1%) за десятилетие. В 2023 г. степень консолидации несколько снизилась (в частности, в полтора раза – с 10,1% до 15,6% – выросла доля респондентов с оппозиционными взглядами), но она все еще остается очень высокой.

Таблица 5 (Table 5)

Динамика характеристик лояльности россиян, 2012-2023 гг., %

Dynamics of loyalty characteristics of Russians, 2012-2023, %

Характеристики	2012	2014	2015	2016	2018	2021	2022	2023
Доли выбравших лояльные ответы								
Считающие, что “путь, по которому идет современная Россия, даст в перспективе положительные результаты”	63,6	74,7	72,9	65,0	55,3	55,2	71,1	73,6
Считающие, что “основные угрозы исходят из-за рубежа”	-	61,1	75,2	56,0	46,2	53,4	83,6	72,8
Структура россиян по критерию лояльности курсу правительства								
“Лоялисты”	-	51,2	58,9	42,6	32,8	37,7	65,1	62,6
Промежуточная группа	-	18,8	29,4	25,8	25,0	32,3	23,5	21,2
“Оппозиционеры”	-	8,8	10,5	16,4	23,7	28,6	10,1	15,6

Примечание. Данные приведены без учета затруднившихся ответить, доля которых временами (в 2014 г.) доходила до 21% всех респондентов.

Отмеченная цикличность хорошо заметна и на графиках, показывающих динамику в 2010-2020-х годах представлений россиян о правильности пути России (см. рис. 4) и об основных источниках угроз для нее (см. рис. 5). Оба динамических ряда демонстрируют одинаковые циклические тенденции. В 2012-2018 гг. наблюдается первый цикл, когда доля критических оценок сильно падает (их дают на пике не более 25% респондентов), но затем она возвращается практически к исходному уровню (близко к ситуации 50 : 50 с небольшим превалированием лоялистских мнений). А в 2022-2023 гг. развертывается новый цикл, в котором наблюдаемые пиковые значения противоположных мнений почти не отличаются от тех, что были на пике предыдущего цикла.

Рисунок 4 (Figure 4)

Динамика оценок россиянами пути развития России, 2011-2023 гг., %

Russians’ assessments of Russia’s development path, 2011-2023, %

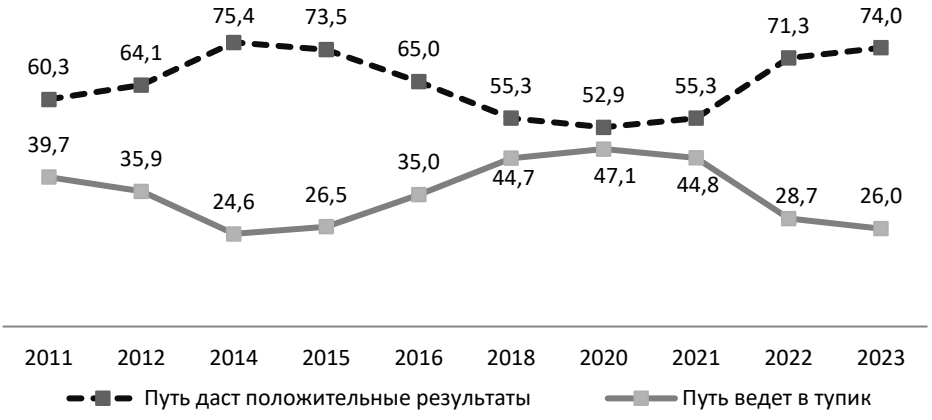
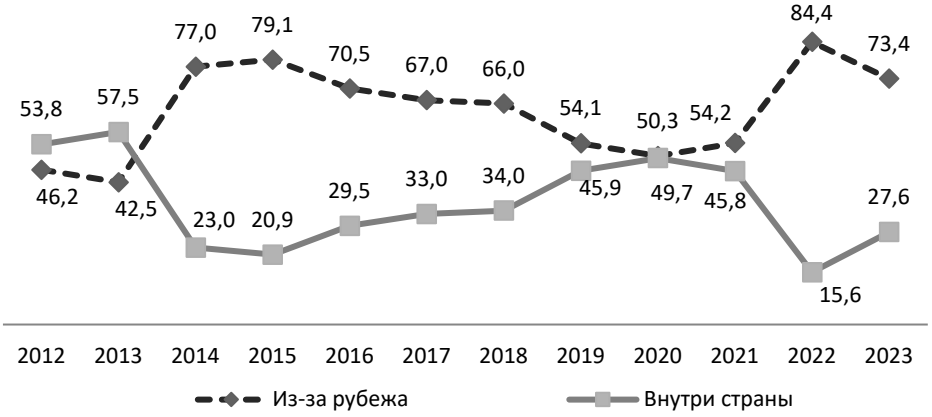


Рисунок 5 (Figure 5)

Динамика оценок россиянами основного источника угроз России, 2012-2023 гг., %
Dynamics of Russians' assessments of the main source of threats to Russia, 2012-2023, %



ОЖИДАНИЯ "ТРУДНЫХ ВРЕМЕН"

Еще один важный аспект для понимания, насколько россияне адаптировались к "полосе препятствий", – их оценка текущих событий в контексте длительных (со сменой поколений) тенденций развития российского общества. Это объясняется, в частности, тем, что протестные настроения сильнее связаны с представлениями граждан о будущем, чем о настоящем: ради "светлого будущего" можно терпеть большие невзгоды в настоящем (как это было в СССР во время Отечественной войны), но если такой перспективы нет, то революция может вспыхнуть, даже если внешнеполитические конфликты далеки от катастрофы (как это было в России в 1905 и 1917 гг.).

При оценке перспектив ближайшего будущего в последнее десятилетие чаще других вариантов ответа звучал вариант "страну ждут трудные времена" (см. рис. 6). Не стал исключением и 2023 г., когда "трудных времен" ждали 54,5%, а успешного развития – вдвое меньше (27,5%). Это показывает, что россияне не ждут скорого завершения "полосы препятствий". При этом наблюдается существенная взаимосвязь между мнениями о среднесрочных перспективах страны и идеологическими оценками ее развития: "трудных времен" среди "лоялистов" ожидали только 48,7%, а среди "оппозиционеров" – 75,6%. В динамике снова хорошо заметны два цикла, связанные с кризисными событиями: в волне 2014-2016 гг. на пике доля ждущих "трудные времена" составляла 58,8%, а в волне 2020-2023 гг., соединившей кризис из-за пандемии и СВО, – 77,1%. Ситуация 2023 г. в этом динамическом ряду кажется скорее средней, чем повышенно тревожной, так что и по показателю оценки перспектив тоже видно, что после "паники" весной 2022 г. началась нормализация социального самочувствия россиян.

Это среднесрочная оценка, оправданная текущей ситуацией затяжного и ожесточенного конфликта России с Западом. А каков в общественном сознании россиян долгосрочный – на несколько десятилетий вперед – прогноз развития страны? Чтобы выяснить это, в июне 2023 г. респондентов спросили, живут ли они, по их мнению, лучше своих родителей и, самое главное, будет ли следующее поколение жить лучше нынешнего.

Рисунок 6 (Figure 6)

Динамика оценок среднесрочных перспектив развития России, 2014-2023 гг., %
Dynamics of assessments of medium-term development prospects for Russia, 2014-2023, %

Если в ближайшие годы россияне чаще всего ждут "трудных времен", то их долгосрочные ожидания более оптимистичны. Большинство (71,8%) убеждены, что живут в среднем лучше поколения своих родителей, и почти такое же большинство (70,0%) полагает, что так будет и дальше – сегодняшние дети будут тоже в среднем жить лучше нынешнего поколения. Правда, эти два множества совпадают лишь частично. В линейном прогрессе (мы живем лучше родителей, а наши дети будут жить лучше нас) убеждены только 57,7% россиян. К ним по оптимистическому настрою близки еще 12,2% полагающих, что хотя мы живем хуже родителей, но наши дети будут жить лучше нас. Этим оптимистам противостоит почти треть россиян с пессимистическими взглядами: одни считают, что хотя мы живем лучше наших родителей, наши дети будут жить хуже нас (13,6%), есть и совсем мрачные пессимисты, которые видят со сменой поколений неуклонное ухудшение (или, по крайней мере, отсутствие улучшений) условий жизни (15,7%).

Как и по предыдущим показателям, самым сильным фактором, детерминирующим уверенность в лучшей жизни следующего поколения, выступает доверие президенту: среди доверяющих ему в этом уверены 76,1%, а среди не доверяющих – 48,8%. Почти такой же разрыв показателей демонстрирует поляризация "лоялистов" (77,9%) и "оппозиционеров" (49,4%).

Попытки выделить социально-демографические группы с аномально оптимистическими и пессимистическими представлениями о ситуации в России, которые можно было бы рассматривать как самые сильные и самые слабые "звенья" российского общества, при анализе баз данных организованных Институтом социологии ФНИСЦ РАН опросов обычно оказывались малоуспешными. Аналогично и в 2023 г.: дифференциация показателей демонстрирует, что избегание крайностей при оценках различных характеристик положения в стране наблюдается у большинства во всех социальных группах россиян, по каким бы критериям они не выделялись. Конечно, отдельные количественные различия между массовыми социальными группами есть, но они обычно не превосходят 15 п.п. и не меняют в структуре мнений соотношение меньшинства и большинства. Наиболее однозначно и существенно влияние фактора субъективного восприятия своего материального положения: считающие его плохим значимо чаще дают критические оценки всем

характеристикам ситуации в стране. Но это тривиально, поскольку на оценки макромира всегда проецируется состояние микромира респондентов. Другие социально-демографические факторы (возрастные, поселенческие, профессиональные) влияют на эти оценки слабее и неоднозначно.

В то же время идеологический фактор (в первую очередь – (не)доверие президенту России, (не)согласие с нынешним путем развития страны и с дискурсом о доминировании внешних угроз) оказался высоко значимым. Именно он, в отличие от социальных и демографических оснований дифференциации населения, приоритетно формирует существенные различия между лояльным правительственному курсу большинством (примерно две трети населения страны) и нелояльным меньшинством.

ЦИКЛИЧНОСТЬ ДИНАМИКИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Самый важный вывод из сравнительного анализа массового сознания россиян в 2023 г. заключается в том, что наблюдаемое его состояние является хотя и во многих аспектах экстремальным, но не исключительным. Это начальная фаза очередного (третьего за последнее 20-летие) цикла реагирования российского общества на чрезвычайные обстоятельства, связанные с обострением вызовов и угроз.

Концепт цикличности развития общества в социологии, к сожалению, используется односторонне (см. обзор [Худяков 2009]): много внимания уделяется большим (многовековым) циклам, которыми занимались еще А. Тойнби и П. Сорокин, но почти никакого внимания – среднесрочным (многолетним) циклам. Это контрастирует с большим вниманием к среднесрочным экономическим циклам (циклам Жуглара – примерно 10-12 лет) и политическим (политико-экономическим) циклам (см. обзоры этих концептов [Манушин 2016; Коростелева 2018]). Для этого есть объективные причины, поскольку в социальной жизни пока не обнаружено оснований для систематических среднесрочных циклических процессов, отличных от механизмов экономических циклов (в частности, периодичности обновления разных элементов основного капитала) и политических циклов (связанных прежде всего с периодичностью парламентских и президентских выборов). В то же время экономические и политические циклы проецируются на изменениях характеристик массового сознания, которые прослеживаются по социологическим мониторингам, но обычно ускользают от внимания экономистов и политологов (одно из исключений – [Рогов*[4] 2012]).

Рассмотренные нами циклы характеристик массового сознания (2014-2017 и 2020-2023 гг.) связаны с тремя шоковыми событиями: “Крымской весной” 2014 г., сразу за которой начался сильный экономический кризис; кризисом из-за пандемии 2020-2021 гг.; СВО на Украине в 2022-2023 гг. По материалам социологических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН можно также предположительно (до 2010-х годов эти опросы проводились не так регулярно) отследить аналогичные циклы примерно в 1997-2002 и 2008-2012 гг. Они связаны соответственно с экономическим кризисом 1998 г., на который наслоилась активная фаза антитеррористической операции на Северном Кавказе (“второй чеченской войны”), и с массовыми протестными выступлениями (“болотной революцией”) 2011-2012 гг., последовавшими с небольшим промежутком после российско-грузинского конфликта 2008 г. и экономического кризиса 2008-2010 гг. Перечисленный набор включает, как видим, разнородные шоковые события – и экономические кризисы, и военные внешнеполитические конфликты, и внутрироссийские гражданские конфликты.

[4] *означает физическое лицо, признанное в РФ СМИ, выполняющим функции “иностранного агента”.

В качестве обобщающего объяснения циклов массового сознания россиян под влиянием этих разнородных шоков можно использовать эффекты "объединения вокруг флага" [Казун 2017], когда под влиянием роста опасных угроз, грозящих опрокинуть общество, граждане временно "откладывают" идеологические разногласия и дают правительству, каким бы оно ни было, кредит доверия. Эти эффекты принято связывать в первую очередь с шоковыми внешнеполитическими угрозами, но, видимо, аналогично общество может реагировать и на другие (в том числе внутренние) угрозы дестабилизации[5]. Конечно, это возможно, только если у большинства граждан базовое доверие к существующему политическому режиму не подорвано какими-либо его откровенно провальными действиями[6].

Обобщая эмпирические данные по двум циклам 2010-2020-х годов (см. табл. 6), можно зафиксировать следующий алгоритм циклов социального самочувствия. В начале каждого такого цикла под влиянием шоковых событий усиливается как переживание опасностей, так и консолидация граждан страны. Это проявляется, с одной стороны, в абсолютном доминировании оценок о кризисности ситуации, о росте социальной напряженности и об ожидании тяжелых времен. С другой стороны, в этой фазе цикла стремление к стабильности доминирует над запросом на перемены, а ви́дение основных угроз для страны извне – над их поиском внутри страны. Некоторая часть россиян (прежде всего, приверженцы радикально-либеральной идеологии, принципиально отрицающие полезность "авторитарной" мобилизации, а также левые радикалы, считающие существующую власть "прислужницей бизнес-олигархов") отказывается от консолидации и в таких условиях, но они остаются в явном меньшинстве.

Описанный цикл динамики социальных настроений как характеристик массового сознания россиян правомерно рассматривать в качестве особой разновидности среднесрочных политико-экономических циклов *(political business cycles)*, концепции которых с 1970-х годов разрабатываются в рамках теории общественного выбора (см. обзоры их развития [Drazen 2000; Dubois 2016]). Особенность заключается, в том, что если в общепринятом дискурсе политико-экономических циклов анализируются действия политических акторов (политиков и избирателей), то в нашем случае речь идет о настроениях, которые могут не переходить в социальные действия. Самое главное, рассмотренные динамические колебания социальных настроений слабо связаны с электоральными циклами, которые западными обществоведами рассматриваются как априорная основа политико-экономических циклов. В постсоветской России выборы политиков (включая президентские) стали лишь одной из разновидностей кризисных/шоковых ситуаций, через которые с разной степенью регулярности проходит общество. Гораздо большее значение имели глобальные экономические кризисы (в 1998, 2000 и 2008 гг.), еще большее – внутренние и внешние военные конфликты (две "чеченские войны" 1990-2000-х годов, российско-грузинский конфликт 2008 г., "крымская весна" 2014 г. и "донбасская весна" 2022 г.). Среди этих ситуаций явную периодичность имеют только глобальные экономические кризисы, другие кажутся внезапными

[5] В частности, в литературе ранее уже отмечалось "объединение вокруг флага" в условиях недавней пандемии COVID-19: "Наиболее очевидный эффект пандемии – это сплочение вокруг флага и рост рейтингов действующих политических лидеров" [Пареньков, Петров 2020: 115], см. также [Соколов, Завадская 2023].

[6] В связи с этим интересно отметить, что шоковые события рубежа 1990-2000-х и 2000-2010-х годов, с одной стороны, и 2014-2016 и 2020-2023 гг., с другой стороны, влияли на колебания доли желающих перемен противоположным образом (в первых двух случаях доля росла, во вторых двух – падала). Это можно связать с тем, что в одних случаях шоковые события имели в основном внутренний характер, разрушавший консенсунс управляющих и управляемых, а в других случаях – преимущественно внешний характер, создавая почву для укрепления "национального единомыслия".

“черными лебедями” (хотя за ними может скрываться ритмичность геополитического противоборства). В научной литературе уже проверялась гипотеза, не было ли провоцирование очередных кризисов сознательной стратегией политического режима, озабоченного снижением своей популярности в глазах россиян, и был получен отрицательный ответ [Мухаметов 2022]. Поэтому вопрос, являются ли описанные циклы перепадов социальных настроений периодическими или они есть цепочка казусов “эпохи перемен”, остается открытым.

Таблица 6 (Table 6)

Циклические колебания количественных показателей характеристик массового сознания россиян, %

Cyclic fluctuations in quantitative indicators of the characteristics of mass consciousness of Russians, %

Характеристики	Цикл 2014-2017 гг.	Цикл 2020-2023 гг. (не завершен)
Оценки ситуации в России (по доле оценивающих ситуацию как кризисную)	Рост от 51% (2013 г.) до 72% (2016 г.), спад до 51% (2018 г.)	Рост от 52% (2019 г.) до 73% (2022 г.)
Оценки изменения социальной напряженности (по доле считающих, что напряжение возросло)	Период роста в опросах не отражен, спад от 63,8% (2015 г.) до 44,9% (2017 г.)	Рост от 50,6% (2019 г.) до 88,5% (2022 г.)
Запрос на перемены (по доле желающих перемен)	Спад от 56,3% (2011 г.) до 29,7% (2014 г.), рост до 51,1% (2017 г.)	Спад от 57,0% (2019 г.) до 38,2% (2023 г.)
Оценки пути развития России (по доле считающих, что нынешний путь ведет в тупик)	Спад от 39,7% (2011 г.) до 24,6% (2014 г.), рост до 44,7% (2018 г.)	Спад от 47,1% (2020 г.) до 26,0% (2023 г.)
Оценки основного источника угроз (по доле считающих основными внутренние угрозы)	Спад от 57,5% (2013 г.) до 20,9% (2015 г.), рост до 45,9% (2019 г.)	Спад от 49,7% (2020 г.) до 15,6% (2022 г.)
Оценки среднесрочных перспектив развития России (по доле считающих, что страну ждут “трудные времена”)	Рост от 49,5% (2014 г.) до 58,8% (2015 г.), спад до 33,3% (2018 г.)	Рост от 41,7% (2019 г.) до 77,1% (2022 г.)

В зависимости от того, как будут в ближайшее время развиваться СВО на Украине и конфронтация России с Западом, наблюдаемый циклический взлет доминирования запроса на стабильность может быть более или менее длительным. От этого же зависит, станут ли текущие характеристики пиковыми или, что менее вероятно, экстремальные значения еще предстоит наблюдать в будущем. Сам вывод, что наблюдаемые в последние два года события – лишь элемент очередного цикла, можно поставить под вопрос. Ведь ближайшее будущее и в нашей стране, и в мире в целом может оказаться качественно отличающимся от событий предшествовавшего двадцатилетия. Выявленный цикл чередования взлетов и подъемов сохранится, только если таких существенных отличий не будет[7].

Пока же можно констатировать, что по ряду характеристик (в частности, по доле считающих ситуацию катастрофической) пик критических суждений

[7] В качестве примерной аналогии можно вспомнить, что нормальные среднесрочные экономические циклы дважды в XX в. обрывались под влиянием мировых войн. Впрочем, сами мировые войны были, возможно, элементом долгосрочных волн (циклов Кондратьева). Аналогично качественные изменения среднесрочных колебаний характеристик общественного сознания россиян могут стать элементом более долгосрочных волнообразных изменений (например, наблюдающихся уже более трех веков колебаний между прозападной и контрзападной общекультурной ориентацией российского общества или чередования реформ и контрреформ [Розов 2006; Паин 2008]).

был пройден в марте 2022 г., а в 2023 г. наблюдается "откат" к более умеренным показателям пессимизма. Поскольку базовые социально-экономические институты в России 2000-2020-х годах не менялись, в перспективе можно ожидать повторения фаз хорошо прослеживаемого по данным социологических опросов цикла 2012-2017 гг., когда после спада напряженности происходило снижение и консолидации россиян вокруг доминирующих идеологем. В связи с этим правомерно поставить вопрос о чередовании долгих (по четыре-шесть лет) циклических периодов, связанных с шоковыми событиями, и промежуточных коротких "спокойных" периодов как об основной форме динамики массового сознания россиян в условиях современного мобилизационного развития.

DOI: 10.17976/jpps/2023.06.12

DYNAMICS OF MASS CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS: EXTRAORDINARY SITUATION OR BEGINNING OF A NEW CYCLE?

Yu.V. Latov[1]

[1] *Institute of Sociology of the Federal Research Center of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

LATOV, Yuri Valerievich, Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.), Principal Researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Center of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, email: latov@mail.ru

Latov, Yu.V. (2023). Dynamics of mass consciousness of Russians: extraordinary situation or beginning of a new cycle? *Polis. Political Studies*, 6, 161-179. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.12

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00505) at the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Received: 24.07.2023. Accepted: 20.09.2023

Abstract. Based on the results of the all-Russian sociological survey based on a representative sample, conducted by the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences in June 2023 and compared with previous surveys of the 2010-2020s. the extent to which the mass consciousness of modern Russians meets the objective requirements of national mobilization development is considered. The dynamics of indicators of mass consciousness that characterize citizens' assessments of the situation in the country (including, in particular, assessments of social tension), as well as the compliance of this situation with their normative expectations (for example, assessments of Russia's development path, a request for change) is analyzed. It is concluded that, in comparison with the survey data in March 2022, almost all the indicators considered have improved. It is legitimate to consider the current situation as a phase of a new cycle of changes in social well-being, which is largely similar to the previous cycle of 2014-2016/2017. The question was raised about the alternation of long (4-6 years) cyclical periods associated with shock events, and intermediate short "calm" periods as the main form of the dynamics of the mass consciousness of Russians in the conditions of modern mobilization development.

Keywords: mobilization development, mass consciousness, crisis, social tension, request for change, loyalty, opposition, image of the future, medium-term cyclicality.

References

Drazen, A. (2000). The political business cycle after 25 years. In B.S. Bernanke, & K. Rogoff (Ed.), *NBER Macroeconomic Annual* (pp. 75-117). Cambridge, MA: MIT Press. https://doi.org/10.2307/3585387

Dubois, E. (2016). Political business cycles 40 years after Nordhaus. *Public Choice,* 166, 235-259. https://doi.org/10.1007/s11127-016-0313-z

Gorshkov, M.K., & Tikhonova, N.E. (Ed.). (2022). Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni [Russian society and challenges of the time]. Book 6. Moscow: Ves Mir Publ. (In Russ.) https://doi.org/10.55604/9785777708984

Kazun, A.D. (2017). "Rally around the flag" effect. How and why support of the authorities grows during international conflicts and tragedies? *Polis. Political Studies,* 1, 136-146. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.12

Khudyakov, S.I. (2009). Sociocultural dynamics: the analysis of the fundamental theories. *RUDN Journal of Sociology*, 2, 24-29. (In Russ.)

Korosteleva, A.M. (2018). On political cycles models considering social and labor relations traits in Russia. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta,* 4, 134-138. (In Russ.)

Latov, Yu.V., & Latova, N.V. (2022). "Demand for change" in sociology and in the media (in memory of V.V. Petukhov – "inventor" of the concept/meme). *Bulletin of the Institute of Sociology,* 13(S2), 73-86. (In Russ.) https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2S.817

Manushin, D.V. (2016). Review, generalization and evaluation of theories of economic cycles and crises. Development and comparison of new theories of the political and economic conditional cycle and the infinite crisis. *Finance and Credit,* 2, 9-26. (In Russ.)

Mersiyanova, N.V., & Bryukhno, A.S. (2023). Social mood of Russians: structure and influence on helping behavior. *Sociological Studies,* 9, 29-40. (In Russ.)

Mukhametov, R. (2022). International sources of the popularity of Russia's president. Does the "rally around the flag" effect matter? *International Trends,* 20(3), 80-94. (In Russ.) https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.3.70.6

Pain, E.A. (2008). On courses of cyclical failures of modernization process in Russia. *Social Sciences and Contemporary World,* 4, 5-20. (In Russ.)

Parenkov, D.A., & Petrov, K.E. (2020). Coronavirus and politics: demands and values in the age of the pandemic. *Journal of International Analytics,* 11(2), 109-121. (In Russ.) https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-109-121

Petukhov, R.V. (2020). Request for change: political and value dimension. *Polis. Political Studies,* 6, 103-118. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08

Rogov, K.Yu. (2012). Political cycles of post-Soviet transition. *Pro et Contra*, 4-5, 6-32. (In Russ.)

Rozov, N.S. (2006). The cyclic character of Russian political history as a disease: is recovery possible? *Polis. Political Studies,* 3, 8-28. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2006.03.02

Sokolov, B.O., & Zavadskaya, M.A. (2023). Individual experience of the first wave of the COVID-19 pandemic and political support in Russia: evidence from the Values in Crisis survey. *Polis. Political Studies,* 4, 152-167. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.11

Литература на русском языке

Казун А.Д. 2017. Эффект "rally around the flag". Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 136-146. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.12. EDN: XRJTZL.

Коростелева А.М. 2018. О моделях политических циклов с учетом особенностей социально-трудовых отношений в России. *Известия СПбГЭУ*. № 4. С. 134-138. EDN: XUBJKX.

Латов Ю.В., Латова Н.В. 2022. "Запрос на перемены" в социологии и в СМИ (Памяти В.В. Петухова – "изобретателя" понятия/мема). *Вестник Института социологии*. Т. 13. № S2. С. 73-86. https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2S.817. EDN: FJHZAH.

Манушин Д.В. 2016. Обзор, обобщение и оценка теорий экономических циклов и кризисов. Выделение и сопоставление новых теорий: политико-экономического условного цикла и бесконечного кризиса. *Финансы и кредит*. № 2. С. 9-26. EDN: VEALOJ.

Мерсиянова Н.В., Брюхно А.С. 2023. Социальное настроение россиян: структура и влияние на помогающее поведение. *Социологические исследования*. № 9. С. 29-40.

Мухаметов Р. 2022. Международные детерминанты популярности президента России. Имеет ли значение эффект "сплочения вокруг флага"? *Международные процессы*. Т. 20. № 3. С. 80-94. https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.3.70.6. EDN: OYEEGC.

Паин Э.А. 2008. Исторический "бег по кругу" (попытка объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России). *Общественные науки и современность*. № 4. С. 5-20. EDN: IXVZBB.

Пареньков Д.А., Петров К.Е. 2020. Коронавирус и политика: запросы и ценности в эпоху пандемии. *Международная аналитика*. Т. 11. № 2. С. 109-121. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-109-121. EDN: YETVZR.

Петухов Р.В. 2020. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 103-118. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08. EDN: MGUUHH.

Рогов К.Ю.* 2012. Политические циклы постсоветского транзита. *Pro et Contra*. № 4-5. С. 6-32.

Розов Н.С. 2006. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 8-28. https://doi.org/10.17976/jpps/2006.03.02. EDN: HUVXWV.

Российское общество и вызовы времени. Книга 6. 2022. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир. https://doi.org/10.55604/9785777708984. EDN: GJITZD.

Соколов Б.О., Завадская М.А. 2023. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России (по материалам опроса "Ценности в кризисе"). *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 152-167. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.11. EDN: YGPVWJ.

Худяков С.И. 2009. Социокультурная динамика: анализ основных теорий. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. № 2. С. 24-29. EDN: KKXRUJ.